

ЧЕМ ФИЛОСОФИЯ ОБЯЗАНА АПОСТАТУ ФИЛОСОФИИ?

Чеслав Леевский

Abstract

The article is a historical account of some crucial philosophical investigations within the Lvov-Warsaw School and the assessment of Franz Brentano's role, an «apostate of philosophy», in inspiring these investigations. Brentano sought to overcome the gap between philosophy and science and, subsequently, between philosophical method and scientific method. By medium of Kazimierz Twardowski, Brentano's approach to method was, in its main aspects, inherited by the whole Lvov-Warsaw School. In connection with this approach, a number of further problems emerged: what is the role of natural language in science, is it apt to philosophizing, how to avoid terminological chaos on the one hand and pragmatically unjustified «symbolomania» on the other? In the article some tentative solutions, proposed by the theorists of the Lvov-Warsaw School, are concisely presented.

Keywords: method of philosophy, logic, set theory, science.

I

Первые четыре из двадцати пяти тезисов, которые защищал Франц Brentano в ходе габилитации в университете Вюрцбурга в 1866 году, содержали следующие требования и утверждения.

1. Философия должна отрицать возможность разделения наук на спекулятивные и точные. Если эту возможность не отрицать, то сама философия не имела бы права на существование.

2. Философия должна отвернуться и от тех, кто хочет, чтобы она черпала свои принципы из теологии, и от тех, кто придерживается мнения, что якобы без сверхъестественного откровения все её усилия были бы напрасными.

3. Тем не менее следует признать, что воспринятые теологией утверждения являются для философов как бы путеводными звёздами.

4. Настоящим методом философии не является никакой другой метод, как только метод естественных наук.

В этих четырёх тезисах содержится ядро методологических взглядов Brentano в отношении философии. Если философия должна обеспечить себе право на существование в качестве науки, то она должна, по мнению Brentano, подальше держаться от спекуляций. Поэтому она должна

отбросить советы тех, кто хотел бы её обосновывать на теологических принципах или сверхъестественном откровении. Теологические «истины» могут, по его мнению, служить философам не более чем путеводными звёздами, тем самым он, наверное, хотел дать понять, что не исключает возможность обоснования некоторых теологических утверждений научным образом. Однако главным пунктом в брентановской методологии выступает требование, чтобы философия в своих исследованиях брала за образец естественные науки, поскольку с точки зрения метода она от них ничем не отличается.

Концепцию научной философии Brentano пропагандировал, прежде всего, в своих лекциях и семинарах в Вюрцбурге и с 1874 года в Вене. В своих собственных философских исследованиях он применял метод естественных наук к психологии, результатом чего явилось его главное произведение *Психология с эмпирической точки зрения*. Первый том этой работы вышел из печати в 1874 году. Как бывший клирик, вступивший в семейный союз, Brentano должен был отказаться от кафедры и удовлетвориться преподаванием философии в качестве доцента. В 1895 он вообще отказался от университетской работы и, покинув Вену, переселился во Флоренцию.

В обоих университетах, где преподавал Brentano, он пользовался непомерным признанием со стороны студентов. В свою очередь многие из его студентов стали преподавателями в других университетах Австрии и Германии. Этим же путём Brentano оказал влияние и на формирование неопозитивизма Венского кружка.

II

Одним из выдающихся учеников Brentano был Казимир Твардовский, который после окончания университетской учёбы на философском отделении Венского университета в 1891 году защитил диссертацию в области философии в 1894, а годом позже получил кафедру философии на философском отделении Польского университета во Львове.

Подобно Brentano, Твардовский был воином научной философии. Он приехал во Львов на кафедру с намерением организовать философское обучение в виде методического научного исследования. С самого начала своей преподавательской карьеры в университете он приучал студентов к самостоятельному мышлению и ясному стилю философствования, требуя понятного и точного формулирования философских тезисов и правильного их обоснования. Подобно Brentano, Твардовский предостерегал своих воспитанников от фальшивой научности в культивировании философии, вызванной «символоманией» или чрезмерным использованием символических языков, ведущих к «прагматофобии», что в его терминологии означало отстранение при помощи символов от символизируемых вещей.

В 1904 благодаря инициативе и стараниям Твардовского было основано *Польское философское общество* с целью «поддержки научной работы в области искусства философии». На открытии *Общества* К. Твардовский произнёс:

«Мы хотим, чтобы все направления работы и философских поисков в нашем Обществе стремились к одной цели, к нахождению истины. Путь к этому – научный критицизм».

Философия всегда выступала совокупностью различных теорий, в большей или меньшей степени подверженных научности, которая в соответствии с принципами научного критицизма требует, чтобы утверждения данной философской теории обосновались или методом точных, то есть рациональных, наук посредством вывода из принятых аксиоматических предположений, или методом естественных, то есть эмпирических, наук посредством обращения к опыту. Менее других подвержена научности философская теория, которую Твардовский называл «философским, т. е. метафизическим, взглядом на мир и жизнь». Утверждения этой теории, по видимому, дают ответы на «вопросы, касающиеся сущности, начала и цели всякого существования, а также предназначения человека». По мнению Твардовского, «мировоззренческие убеждения» нельзя обосновать научными методами. Их источником не являются научные исследования, проверяемые другими исследователями, но личные «интеллектуальные инстинкты», «влияние окружения», личные «пристрастия», а также прочие «эмоциональные моменты». Философское мировоззрение, подобно религиозным или политическим убеждениям, Твардовский считал личным делом. Они не должны никому мешать в культивировании научного критицизма. Они ненаучны и иррациональны, но одновременно являются «донаучными». Тогда как Brentano признавал, что определённые богословские утверждения являются чем-то вроде путеводных звёзд для философов, Твардовский воздерживался от обличения философского мировоззрения как нерационального, т. е. провозглашающего убеждения, которые ведут к противоречию, предвидя, что в них может содержаться «не одна истина, которую нужно всего лишь научно представить, чтобы вся её значимость была обнаружена».

Методологические взгляды Твардовского по отношению к философии можно резюмировать в следующем утверждении: *настоящим методом философии не является никакой иной, как только научный метод, который одновременно охватывает как метод точных, т. е. рациональных, так и метод естественных, т. е. эмпирических, наук*. Поэтому философы в своих исследованиях, в зависимости от предмета этих исследований, должны брать пример или с точных наук, например арифметики или геометрии, или с естественных наук, например биологии или физиологии. Сформулированное выше утверждение в определённом смысле является обобщением аналогичного утверждения, которое защищал Brentano.

тано. Таким образом, план Твардовского сделать философию научной не содержал, как кажется, ничего, что могло бы встретить протест со стороны Brentano.

III

Подобно Brentano, Твардовский всегда был окружён группой талантливых учеников, многие из которых со временем возглавили кафедры философии в польских университетах, возрождённых или впервые основанных после получения Польшей независимости в 1918 году. Они с энтузиазмом приступили к формированию научной философии и распространению научного критицизма в соответствии с советами Твардовского, полученными во времена студенчества. Наиболее деятельным при выполнении этой миссии был Ян Лукасевич, один из самых старших учеников основателя *Польского философского общества*.

В 1906–1914 сначала как доцент, а затем как экстраординарный профессор Ян Лукасевич преподавал философию и «алгебру логики» в Польском университете во Львове. В 1915 он переехал в Варшаву, где вскоре получил кафедру философии в возрождённом Варшавском университете. Эту кафедру он возглавлял, с несколькими короткими перерывами, до начала Второй мировой войны. В Варшавском университете Лукасевич читал лекции, проводил практические занятия и семинары по символической логике, называемой также математической логикой, по истории логики и истории философии. Благодаря результатам, полученным в исследованиях дедуктивных систем логики предложений, то есть логики, в первое десятилетие между двумя войнами Лукасевич пользовался авторитетом в университетской среде. По его мнению, логика, строя системы логики, сумели достичь такой степени научной точности, каковой до сего времени мы не встречали нигде в другом месте, даже в математике. Оценивая философские системы в аспекте меры научной точности, полученной при построении систем логики, Лукасевич пришёл к убеждению, что если какие-либо иные ценности этим системам и можно приписать, то научной ценности у них нет никакой.

В докладе, прочитанном на первом пленарном заседании II Польского философского съезда в Варшаве в 1927, Лукасевич представил своё мнение о состоянии философии и обосновал необходимость её реформирования во «имя науки и в духе математической логики». Резюме доклада, сделанное самим Лукасевичем, опубликовано в небольшой работе, названной *О методе в философии* в *Памятной книге съезда (Przegląd Filozoficzny, 1928, т. 31, с. 3–5)*. В этой небольшой работе Лукасевич писал следующее:

«Будущая научная философия должна начать своё построение с самого начала, с фундаментов. Начать же с фундаментов – это значит в первую очередь пересмотреть философские проблемы и выбрать

среди них только те, которые можно сформулировать понятно, отбрасывая все другие. ... Затем следует приступить к попыткам решения тех вопросов философии, которые можно сформулировать понятно. Наиболее соответствующим методом, который надлежало бы применить с этой целью, кажется, опять же является метод математической логики, дедуктивный метод, аксиоматичный. Опирайтесь же надлежит на утверждения, по возможности интуитивно ясные и определённые, и такие утверждения принять за аксиомы. В качестве первичных, то есть неопределяемых, понятий следует выбрать такие выражения, смысл которых можно всесторонне выяснить на примерах. Нужно стараться, чтобы аксиом и первичных понятий было как можно меньше, и их все следует скрупулёзно перечислить. Все другие понятия должны быть безусловно определены на основании первичных понятий, а все прочие утверждения безусловно доказаны на основании аксиом и с помощью принятых в логике правил вывода. Полученные таким способом результаты надлежит непрерывно контролировать данными интуиции и опыта, а также результатами других наук, особенно естественных. В случае разногласий системе надлежит поправить, формулируя новые аксиомы и подбирая новые первичные понятия».

Облик будущей научной философии, сокращённо очерченный Лукасевичем, как кажется, требует следующего методологического принципа: *настоящим методом философии не является никакой другой, как только метод точных наук*. При построении философии философы должны брать за образец дедуктивные системы, которые строятся современными логиками. Ведь логики реализуют в своих системах наиболее совершенные до сего времени критерии научной точности. Проведение реформы философии в направлении методологических указаний Лукасевича является, очевидно, нелёгкой задачей, что он, вероятно, осознавал. А именно, он считал, что эту задачу в будущем решат «умы более сильные, чем те, которые до сегодняшнего дня появились на земле».

IV

Мы не знаем и, наверно, уже никогда не узнаем, что склонило Станислава Лесневского к изучению философии. В своих *Очерках по истории философии и логики* Т. Котарбинский пишет, что среднее образование Лесневский получил в гимназии, вероятно, классического типа, в Иркутске, в Сибири, и что для получения университетского образования он выехал на Запад. Объехав ряд немецких университетов, он задержался на определённое время в Мюнхене, где слушал лекции Корнелиуса из «вступления в логику и теорию познания с подробным изучением Канта» и принимал участие в его «философской практике для продвинутых». Он также принимал участие в практических занятиях по «философии математики», проводимых Гейгером. В 1910 году Лесневский приехал во Львов, а в 1911 завершил свою работу об экзистенциальных пред-

ложениях и на её основе в 1912 году получил степень доктора философии под руководством Твардовского. В том же году Лесневский наткнулся на монографию Лукасевича *О принципе противоречия у Аристотеля*, из которой впервые узнал о существовании символической логики, равно как и о существовании Бертрانا Рассела и его известной антиномии, касающейся класса элементов, не являющихся собственными элементами. С этого времени эта антиномия, а также другие антиномии стали навязчивым предметом размышлений Лесневского. Результатами этих размышлений явились анализ и решение антиномии Рассела, опубликованные в 1914 году, а затем очерк дедуктивной теории, вначале названной Лесневским *Общей теорией множеств*, а окончательно наречённой *Мереологией*. Эта теория, опубликованная в 1916 году в работе с названием *Основы общей теории множеств. I*, придала его анализу и решению аксиоматические основания.

Годы Первой мировой войны Лесневский провёл в Москве. В 1918 он переехал в Варшаву, а в 1919 году получил приглашение на кафедру философии математики в Варшавский университет. Эту кафедру он возглавлял 20 лет. После неудачной операции по удалению раковой опухоли Станислав Лесневский умер 13 мая 1939 года.

V

Во вступлении к трактату об основаниях «общей теории множеств» С. Лесневский писал следующее:

«Настоящая работа является первым звеном в длинной цепи публикаций, которые я намерен издать в ближайшем или более отдалённом будущем, стремясь по мере возможности способствовать обоснованию современной математики. То, что такое обоснование не является изишной вещью, является очевидным для каждого, кто знает хотя бы “антиномии”, к которым пришла математика в последние десятилетия своего развития».

В этом вступлении Лесневский также упомянул, что из математических терминов, которыми он пользовался, он не определял единственно выражение «часть», допуская, что этот термин не может возбуждать недоразумение, ввиду того что в свете аксиом он приобретает существенную прозрачность. Об оставшихся неопределяемых нематематических терминах, которые он употреблял в утверждениях своей «теории множеств», Лесневский ничего во вступлении не сказал. Однако можно домыслить, что он отнёс бы их к логическим терминам.

После получения кафедры в Варшавском университете, Лесневский сразу взялся за интенсивную исследовательскую работу над основами математики. На протяжении нескольких лет его научные исследования принесли столько новых и важных результатов, что нужно было приступать к их опубликованию. В 1927 году *Przegląd*

*flozoficzny*¹ начал печатать обширную работу Лесневского, названную *Об основах математики*. Во вступлении к этой работе Лесневский писал:

«С определённых точек зрения методически новая система основ математики, очерк которой я хочу представить в настоящей работе, охватывает, в методическом плане, три дедуктивные теории, совокупность которых я считаю одним из возможных фундаментов обобщённой системы математических наук. Этими теориями являются:

1) теория, названная мною *прототетикой* и соответствующая, впрочем, весьма приближённо, с точки зрения содержания теориям, известным в науке как *calculus of equivalent statements*, *Aussagenkalkul*, то есть “теория дедукции”, в соединении с “теорией мнимых переменных” и т. д.;

2) теория, называемая мною *онтологией*, являющаяся определённого вида модернизированной “традиционной логикой”; что же касается её содержания и “силы”, то она более всего близка шрёдеровскому *Klassenkalkul*, рассматриваемому совместно с теорией “индивидов”;

3) теория, которую я называю *мереологией* и первый и несовершенный со многих точек зрения очерк которой я опубликовал в работе, названной *Основы общей теории множеств. I*».

Характеризуя свою систему основ математики, Лесневский назвал входящие в состав системы теории в систематическом порядке. *Прототетика* названа первой, поскольку она не основывается ни на одной логически более ранней теории. *Онтология* опирается на прототетику. Точнее говоря, онтология является расширением прототетикой. Ведь мы её получаем посредством присоединения онтологической аксиомы к соответствующим образом построенной системе прототетикой при одновременном приспособлении директив к усиленной таким образом аксиоматике. Следовательно, в определённом смысле прототетика теперь становится частью онтологии. *Мереология* в свою очередь опирается на онтологию, то есть на расширенную прототетику. Мы получаем её [мереологию] аналогично, добавляя аксиоматику мереологии к онтологии и соответственно приспособляя директивы. В подобном смысле и онтология становится, с учётом проделанных выше операций, частью мереологии. В сравнении с хронологической последовательностью дедуктивных теорий Лесневского, входящих в состав системы основ математики, их систематическое упорядочивание обратное.

VI

В математических науках Станислав Лесневский хотел видеть дедуктивные теории, «служащие по возможности воплощению в точных законах разнородной действительности мира». Он отбрасывал концепцию математических наук как дедуктивных систем, «которые действительно обеспечивают возможность получения на

¹ «Философский обзор» (польск.) – *Прим. ред.*

их основе всё новых утверждений, характеризующихся, однако, отсутствием каких-либо соединяющих их с действительностью интуитивно-научных ценностей». Дедуктивной системой, лишённой интуитивно-научных ценностей, связывающих её с действительностью, Лесневский считал, например, систему теории множеств, основывающуюся на аксиоматике, которую сконструировал Эрнст Цермело. В отношении этого учёного и измышленной им аксиоматики Лесневский писал:

«Я даже не могу придумать, что за предметы это могли бы быть, к которым может применяться его аксиоматика “теории множеств” при хотя бы каком-то одном значении выражения *Menge* и выражении ϵ ».

Дедуктивные системы, полностью или же только частично формальные, не интересовали Лесневского, разве что посредством определённого подбора соответствующей интерпретации их можно было бы преобразовать в описания тех или иных аспектов действительности.

VII

В работе, печатаемой в *Przeglądzie filozoficznym*, Лесневский предполагал обрисовать, если можно так сказать, «биографию» своей системы основ математики. Поэтому он начал изложение своей системы с мереологии, которую представил в систематизированном естественном языке как аксиоматизированную дедуктивную теорию, очерчивая доказательства мереологических утверждений, опираясь на интуицию и не обращаясь к точно отредактированным правилам. Онтология и прототетика не были опубликованы Лесневским в формате, выбранном им для мереологии. Отдавая себе отчёт в том, что печатание работы об основах математики в *Przeglądzie filozoficznym* должно было бы растянуться на многие годы, Лесневский решился на опубликование сокращённой версии своей системы, в которой дедуктивные теории, входящие в состав системы, представляются в виде формализованных теорий. Формализация аксиоматизированной дедуктивной теории является, точно говоря, формализацией некоторой из систем этой теории. Она состоит в чрезвычайно прецизионном редактировании директив системы, устанавливающих условия, которым должно удовлетворять некоторое выражение, если оно присоединяется к системе в качестве нового утверждения. Целью формализации является замена определённых операций языка, опирающихся на чувство грамматической и синтаксической правильности, а также определённых рассуждений, опирающихся на интуицию, посредством формулирования осмысленных выражений в языке формализованной теории, а также посредством правил преобразования выражений. В терминологии Лесневского эти правила, т. е. директивы, абстрагируются от значений сформулированных и преобразованных выражений и касаются единственно структуры этих

выражений и форм входящих в их состав выражений. Тем не менее преобразованные формулировки не перестают быть осмысленными выражениями.

Во избежание опасностей слишком свободной формализации, Лесневский выработал собственный оригинальный метод формализации дедуктивных теорий. В соответствии с этим методом предполагается, что язык формализованной теории является символическим языком, «грамматика» и «синтаксис» которого ригористически систематизированы, в отличие от грамматики и синтаксиса естественных языков. Поскольку с этой точки зрения ни один из повсеместно используемых в логике символических языков не удовлетворял Лесневского, он был вынужден придумать новый, соответствующий его целям символизм. В отличие от символического языка теории, являющейся предметом формализации, языком формализации, т. е. языком, в котором Лесневский формулирует директивы, относящиеся к формализуемой системе, является, в принципе, естественный язык. Чтобы ограничить размер сносок, при формулировании директив Лесневский обращался к символизму, примером которого послужил символизм *Principia mathematica*, но предостерегал, что этот символизм следует трактовать как определённого вида стенографию, которую он снабжал соответствующим ключом.

Формализацию прототетики Лесневский опубликовал в работе *Grundzuge eines neuen Systems der Grundlagen der Mathematic²* (*Fundamenta mathematicae*, 1929, t. 14, s. 1–81), а формализацию онтологии – в сообщении *Über die Grundlagen der Ontologie³*, (*Comptes rendus des seances de la Societe des Sciences et de Lettres de Varsovie. Classe III*, 1930, t. 23, s. 111–132). Мереологию, как кажется, Лесневский не успел формализовать.

VIII

Фреге и Рассел, предшественники Лесневского в области исследований основ математики, не пользовались слишком большим признанием со стороны большинства математиков. Схожая судьба была и у Лесневского. Безразличие математиков к помыслам и достижениям представителей так называемого логицизма, которых объединяло убеждение, что вся лексика арифметики выводится из логической лексики, в определённой степени понятно. Исследование основ математики принадлежит к философии математики, а философия математики не является математикой, но философией или, пожалуй, частью философии. В дискуссии по докладам, прочитанным Лесневским на II Польском философском съезде, в которых он дал абрис своих трёх дедуктивных теорий, составляющих систему основ математики, присутствующие среди слушателей

² «Основные характеристики новой системы основ математики» (нем.) – Прим. ред.

³ «К основам онтологии» (нем.) – Прим. ред.

математики обратили внимание докладчика на то обстоятельство, что описание действительности не является главной задачей математики и что в математических исследованиях о принятии той или другой дедуктивной теории решающей является её пригодность, а не интуитивная истинность её аксиоматики.

IX

Забота об истинном и обобщённом описании действительности более приличествует философам, чем математикам. Станислав Лесневский, заботясь о связи своих дедуктивных теорий с действительностью и допуская, что он верит в истинность аксиом, на которых эти теории основывались, и правильность директив, которые от истинных предложений приводили, по его глубочайшему убеждению, к новым истинным предложениям, отстранился от «прагматофобов». Даже наоборот, его позиция по отношению к задачам и целям математических наук указывает на то, что, в сущности, он был прагматофилом.

После ряда лет сражений с естественным языком в надежде перебороть его с точки зрения логики, Лесневский уже в первый год своей профессуры в Варшавском университете решил ввести в научную практику некий символический язык. За образец он взял язык *Principia mathematica*, который позже приспособил к выдуманной им в 1922 иерархии «семантических категорий». К формулированию утверждений своих дедуктивных теорий в естественном языке Лесневский не возвратился, но и «символоманьяком» он не был. Он посмеивался над «математическими играми», состоящими в выписывании в соответствии с определёнными конвенциональными правилами более или менее живописных надписей, которые не должны ничего обозначать или даже могут не иметь никакого смысла.

X

Целью Фреге и Рассела являлось выведение арифметики из логики, а следовательно, указание на то, что арифметика является частью логики. Как известно, система Фреге содержала противоречие, на что ему указал Рассел, а система Рассела, представленная в *Principia mathematica*, отличалась отсутствием точных условий, касающихся введения дефиниций и присоединения новых утверждений к построенной системе. Лесневский достиг этой цели намного лучшим способом. Его онтология, частью которой является прототетика (из которой можно вывести арифметику), является теорией, непротиворечивость которой следует из непротиворечивости прототетики. В отличие от теории, изложенной в *Principia*, онтология является теорией, формализованной с невиданной до того времени точностью. Как основа арифметики, базирующейся на аксиоматике, которая в результате исследований Лесневского и его учеников была максимально упрощена, онтология, как кажется, не выдвигает новых проблем. Как основа арифметики, она есть в

определённом смысле законченная теория. Однако онтология является чем-то большим, чем основой арифметики.

XI

Тадеуш Котарбинский был, пожалуй, первым философом, который заметил, что онтология Лесневского, если речь идёт о её содержании, имеет много общего с учением Аристотеля о бытии как таковом, изложенным в книгах *Метафизики*. Иногда Аристотель это учение называл «первой философией» и подчёркивал её универсальность. Тогда как каждое специфическое учение ограничивало свои исследования совокупностью определённых предметов, исследования «первой философии» устремлены к обнаружению принципов, касающихся всех предметов. Через много столетий учение о бытии как таковом получило имя «Онтология» и в виде теории предметов, развитой Мейнонгом в первые десятилетия XX века, стало одним из наиболее важных разделов философии. С. Лесневскому, который соглашался с Котарбинским, что в своей онтологии он формулировал определённого рода общие принципы бытия, философия обязана научностью общей теории предметов в соответствии со строгими методологическими требованиями Лукасевича.

Рассматриваемая как одно из возможных оснований одной из возможных версий общей теории предметов, онтология Лесневского оказывается учением открытым, которое никогда не достигает конечного состояния. Она даёт наиболее общее и поэтому наименее спорное описание предметов, которое можно дополнять не оканчивающейся серией всё более подробных описаний. Одним из возможных дополнений онтологии как общей теории предметов является *мереология*, которую Лесневский включил в систему основ математики, поскольку считал её необходимой теорией для обоснования той или иной геометрии. Одновременно она допускает более подробное, хотя в определённой степени спорное описание предметов и указывает направление, в котором теорию предметов придётся развивать в будущем. На линии развития вырисовываются, если называть только назревшие проблемы, проблемы протяжённости и упорядоченности предметов во времени, протяжённости и размещения предметов в пространстве, а также проблемы, связанные с движением предметов. Попытки решения этих проблем, несомненно, приведут к различным версиям теории предметов. Научную ценность этих версий можно будет оценить только тогда, когда они достигнут степени научной точности, презентуемой онтологией. Усилия, направленные на решение упомянутых проблем, отнимут у философов много лет раздумий и исследований.

Следовательно, основанная на онтологии научная теория предметов имеет перед собой обещающее и интересное будущее, что в немалой степени является заслугой апостата философии.

Перевод с польского *Бориса Домбровского*